

§ 5 МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В XXI ВЕКЕ

Сазонова К.Л.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ГОСУДАРСТВА, НОРМ JUS COGENS И ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ERGA OMNES В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Аннотация: Чуть более сорока лет назад практически одновременно начали дискутироваться сразу три международно-правовых концепции – концепция «международных преступлений государств», концепция норм *jus cogens* и концепция обязательств *erga omnes*, которые были призваны вывести международное сообщество на новый уровень взаимодействия и консолидации. Тем не менее, положительные последствия концептуального оформления данных концепций далеко неочевидны, особенно в области их практического применения. В международном научном сообществе по-прежнему не решены ни вопросы о конкретном содержании концепций, ни вопросы об их соотношении, несмотря на то, что все они затрагивают фундаментальные основы современного международного взаимодействия. Именно поэтому представляется важным изучить и проанализировать три концепции, которые имеют много общего, однако все же существенно отличаются друг от друга, а также рассмотреть позиции по данному вопросу ведущих специалистов в области международного права. Автор считает, что ключевым аспектом, связывающим нормы *jus cogens*, обязательства *erga omnes* и международно-правовую ответственность государств, является то, что все они предполагают качественно иной по сравнению с сегодняшним уровень консолидации и координации международного сообщества, вплоть до развития наднационального уровня управления.

Review: A bit more than 40 years ago three international legal concepts became subjects of discussion: the concept of international crimes committed by states, the concept of *jus cogens* norms and the concept of *erga omnes* obligations, which were aimed to bring the international community to the new level of interaction and consolidation. However, the positive consequences of the conceptual provisions of these concepts are not obvious, especially concerning their practical implementation. The international scientific community fails to resolve the problems of specific contents of these concepts, their correlation, in spite of the fact that they touch upon the fundamental issues of modern international interactions. That is why, it is important to analyze these three concepts, which have much in common, being rather different from each other, and to evaluate the positions of legal scholars in the sphere of international law on these concepts. The author considers that the key aspect, connecting the concept of international crimes committed by states, the concept of *jus cogens* norms and the concept of *erga omnes* obligations, is that all of these concepts presuppose a quality difference in consolidation and coordination of international community up to the development of the supranational level of government.

Ключевые слова: Международный Суд ООН, международное сообщество, обязательства *erga omnes*, нормы *jus cogens*, международные преступления государств, международное право, Комиссия международного права, применение силы, геноцид, апартеид

Keywords: the ICJ, international community, *erga omnes* obligations, *jus cogens* norms, international crimes committed by states, international law, the ILO, use of force, genocide, apartheid.

В период 1960-1970 гг. в международном праве одна за другой появились концепции, которые оказывают огромное влияние на современное международное право.

В 1969 г. в статье 53 Венской конвенции о праве международных договоров появляется категория норм *jus cogens*. Согласно данной статье, императивной признается норма, «которая принимается и признаётся международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер»¹.

В 1970 г. Международный Суд ООН в резонансном деле «Барселона Трэкшн» (Бельгия против Испании) впервые использовал термин «обязательства *erga omnes*». В своем решении Суд признал, что существует важное различие между «обязательствами государства по отношению к международному сообществу в целом, и обязательствами, проистекающими из двусторонних отношений государств... по своей природе первые являются общим делом всех государств. С учетом важности затрагиваемых прав, все государства могут иметь интерес в их защите; они являются обязательствами *erga omnes*»².

К 1976 г. Комиссия международного права сформулировала эпохальную по своей значимости статью 19 «Международные преступления и деликты», в которой содержалось определение «международного преступления государства» как «международно-противоправного деяния, возникающего в результате нарушения государством международного обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества, что его нарушение рассматривается как преступление международным сообществом в целом»³.

Таким образом, в самый разгар «холодной войны» в международном праве появляются сразу три концепции, каждая из которых отсылает к «международному сообществу в целом». На первый взгляд, очередность возникновения концепций выглядит достаточно логично – сначала признание наличия

в международном праве запрещающих норм, затем обязательств перед международным сообществом в целом, а финальный шаг – признание грубейших нарушений вышеуказанных норм и обязательств – должен был оформить базу международно-правовой ответственности за данные нарушения. Однако все пошло совершенно не так, что наглядно демонстрирует пропасть, которая зачастую существует «между правотворчеством и правореализацией»⁴.

Во-первых, сразу же начались доктринальные дискуссии относительно того, не дублируют ли концепции друг друга – слишком уж схожими категориями они оперировали. Даже невооруженным взглядом видно, что «международные преступления государств», нормы *jus cogens* и обязательства *erga omnes* имеют массу точек соприкосновения, так как проистекают из базовых положений Устава ООН и призваны противодействовать наиболее грубым нарушениям международного права. Например, право народов на самоопределение является императивным принципом международного права, а его защита является обязательством *erga omnes*. Аналогично обстоит ситуация и с преступлениями геноцида и апартеида. Категорию «преступление государства», в свою очередь, согласно первоначальным намерениям Комиссии международного права, должны были составлять такие деяния, как:

- а) тяжкое нарушение международного обязательства, имеющее основополагающее значение для обеспечения международного мира и безопасности, такого как обязательство, запрещающее агрессию;
- б) тяжкое нарушение международного обязательства, имеющее основополагающее значение для обеспечения права народов на самоопределение, такого как обязательство, запрещающее установление или сохранение силой колониального господства;
- в) тяжкое массовое нарушение международного обязательства, имеющее основополагающее значение для защиты человеческой личности, таких как обязательства, запрещающие рабство, геноцид, апартеид;
- г) тяжкое нарушение международного обязательства, имеющее основополагающее значение для защиты окружающей среды, такого как обязательство, запрещающее массовое загрязнение атмосферы или морей⁵.

¹ Венская Конвенция о праве международных договоров. Вена, 23 мая 1969 г. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml

² Case Concerning the Barcelona Traction, Light and Power Company, LTD (Belgium v. Spain). International Court of Justice Reports. 1970.

³ Yearbook of International Law Commission. Vol. 2. P.2. 1976.

⁴ Лукашук И.И. Концепция права международной ответственности // Государство и право. М., 2003. №4. С.80.

⁵ Yearbook of International Law Commission. Vol. 2. P.2. 1976. P.110.

Таким образом, даже поверхностный взгляд позволяет увидеть, что и нормы *jus cogens*, и обязательства *erga omnes*, и концепция международных преступлений государства теснейшим образом связаны между собой, прежде всего потому, что нарушение норм международного права влечет международно-правовую ответственность государства, а нарушение первооснов права, его фундаментальных принципов представляет собой особо тяжкое нарушение, которое можно было бы квалифицировать как международное преступление государства: «Нормы и принципы, касающиеся защиты прав человека, не только имеют характер *erga omnes* и даже *jus cogens*, но и их нарушения систематически квалифицируются как международные преступления»⁶. На заседании Комиссии международного права 1970 г., посвященной вопросу ответственности государств, член комиссии Х. Кастаньеда также указал на то, что существуют «определенные международные обязательства государств, являющиеся обязательствами *erga omnes*; нарушение какого-либо из этих обязательств, например, осуществление геноцида, составляет международное преступление»⁷.

Неудивительно, что в рамках научного сообщества возникли определенные трудности в разграничении данных категорий, которые лишь усугублялись из-за того, что содержание концепций и их соотношение не было определено окончательно. Логично предположить, что, раз нарушения норм *jus cogens* или обязательств *erga omnes* представляют собой максимально серьезные формы нарушения норм международного права, как следствие, они должны подразумевать более серьезный, по сравнению с последствиями прочих нарушений, режим международно-правовой ответственности. Однако по-прежнему «иерархия международно-правовых норм все еще недостаточно развита, а разница между «обычными» и «более высокими» обязательствами недостаточно понятна»⁸.

Наиболее серьезные сложности начались в процессе использования всех трех рассматриваемых концепций в практической работе, в частности, в

процессе работы Комиссии международного права ООН над проектом статей об ответственности государств. Абсолютно логичное разделение противоправных действий государств на международные деликты и международные преступления, позитивно воспринятое вначале, вызвало невероятно жаркие дебаты. В результате, из-за огромного политического давления на Комиссию международного права ООН, было принято решение исключить термин «преступления государств» из проекта, заменив его на «серьезные нарушения обязательств перед международным сообществом».

В дальнейшей работе «камнем преткновения» стала категория «международное сообщество», которая, кстати, упоминается и в обязательствах *erga omnes*, и в нормах *jus cogens*, и в концепции «международных преступлений государств». Например, относительно международных преступлений государств Комиссия международного права ООН сделала вывод о том, что для того, чтобы назвать какое-либо действие или бездействие государства «международным преступлением» и устанавливать за него особый, более жесткий режим ответственности, подобное действие должно признаваться преступлением международным сообществом в целом»⁹. Однако большинство представителей доктрины международного права исходят из того, что «международное сообщество не существует как субъект международного права. Это правовая фикция для обозначения всех государств»¹⁰. В результате термин «международное сообщество» также исключили из итогового текста проекта статей об ответственности государств.

Также на заседаниях Комиссии шли ожесточенные споры относительно того, включать ли непосредственно ссылку на нормы *jus cogens* или обязательства *erga omnes* в текст проекта. Специальный докладчик по вопросу ответственности государств Дж. Кроуфорд в своем докладе назвал нормы *jus cogens* «совершенно неопределенными»¹¹, сославшись на их редкое упоминание в правоприменительной практике. Тем не менее, в результате Комиссия предпочла формулировке «нарушение обязательств *erga omnes*» формулировку

⁶ *Vaurs-Chaumette A.-L.* Peoples and Minorities. In *The Law of International Responsibility*, ed. J. Crawford, A. Pellet and S. Olleson, Oxford University Press, 2010. P. 999.

⁷ *Yearbook of International Law Commission*. Vol. 1. 1973. Meeting 1203. P.11.

⁸ *Jorgensen N.H.B.* *The Responsibility of States for International Crimes*. Oxford, 2000. (reprinted 2005). P.98.

⁹ *Yearbook of International Law Commission*. Vol. 2. P.2. 1976. P.119.

¹⁰ *Vaurs-Chaumette A.-L.* *The International Community as a Whole*. In *The Law of International Responsibility*. J. Crawford, A. Pellet and S. Olleson (eds.), Oxford University Press, 2010. P. 1024.

¹¹ *Crawford J.* *Second Report on State Responsibility*. *International Law Commission* 1999. A/CN.4/498. Para 310.

«нарушение императивных норм международного права». Известнейший юрист-международник Б. Симма юмористически объясняет это тем, что, видимо, «за полвека своего существования эта латинская фраза перестала наводить ужас на молодое поколение юристов-международников»¹². Хотя дело скорее в том, что концепция императивных норм разработана в доктрине и правоприменительной практике несколько полнее, чем концепция обязательств *erga omnes*.

В итоге, было принято решение назвать соответствующую главу проекта статей об ответственности государств «Серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права». Кроме того, также в итоговый проект 2001 г. вошла статья 26 «Соблюдение императивных норм». Данная статья также включена в Проект статей об ответственности международных организаций (статья 25) 2009 г.

Таким образом, опыт Комиссии международного права весьма наглядно продемонстрировал все сложности, которые возникают при взаимодействии рассматриваемых концепций.

Необходимо отметить, что проблемы, которые возникли в процессе работы Комиссии, все еще не решены.

Так, по-прежнему остро стоит вопрос о необходимости проведения так называемой нормативной дифференциации, то есть выделения категорий международных деликтов государств и международных преступлений государств, с установлением разных степеней ответственности за данные правонарушения. По мнению одного из самых авторитетных современных специалистов в области международного права Б.Симмы, «с волюнтаристской точки зрения, идея любого иерархического отношения между международными правовыми нормами сама по себе является проблематичной»¹³. Однако лишь подобная дифференциация позволит хоть как-то сдвинуть нынешнюю ситуацию в праве международной ответственности с мертвой точки.

Кроме того, важнейшим вопросом в данном контексте является вопрос об иерархии и соотношении между собой норм международного права. Известный

специалист в области международного права М. Коскенниemi указывает на то, что «*jus cogens* или императивные нормы...предполагают нормативную иерархию»¹⁴. Однако на сегодняшний день есть лишь весьма общее понимание того, что «в международном праве существует определенная иерархия норм, и важность некоторых отдельных норм выражается если не в уровне ответственности за их нарушение, то, по крайней мере, в признании их особого статуса»¹⁵. При этом правовые последствия нарушения этих «особых» норм и принципов по-прежнему достаточно туманны.

Например, профессор Университета Гумбольдта К. Томушат описывает очень логичную, в теории, схему реализации правовых последствий нарушения норм *jus cogens*: «во-первых, идентифицировать императивную норму, а во-вторых, определить правовые последствия ее нарушения»¹⁶. И, если первую стадию пройти проблематично, но все же возможно, то вторая стадия как раз и является «камнем преткновения», если опираться на итоговый Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г., который сегодня составляет базу права международной ответственности.

Первый вопрос, которой необходимо решить в данном контексте: означает ли нарушение императивной нормы международного права совершение международного преступления государством? Еще много лет назад Комиссия международного права ООН отметила, что «категория международных обязательств, не допускающих отклонений, намного шире, чем категория обязательств, нарушение которых составляет международное преступление государства»¹⁷.

В самом деле, возьмем, например, принцип обязанности государств сотрудничать друг с другом, являющийся императивным принципом международного права. Государства обязаны «осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного

¹² Simma B. Universality of International Law from the Perspective of a Practitioner//The European Journal of International Law. 2009. Vol. 20 no. 2. P. 274.

¹³ Simma B. Universality of International Law from the Perspective of a Practitioner//The European Journal of International Law. 2009. Vol. 20 no. 2. P. 272.

¹⁴ Koskenniemi M., Hierarchy in International Law: A Sketch//European Journal of International Law. 1997. Vol. 8. P.566.

¹⁵ Crawford J. First report on State Responsibility. International Law Commission. 1998. A/CCN.4/490/Add.2. Para 71].

¹⁶ Tomuschat C., Reconceptualizing the Debate on Jus Cogens and Obligations Erga Omnes—Concluding Observations. In The Fundamental Rules of International Legal Order. Tomuschat C., Thouvenin J.-M. (eds.), 2006. P. 425.

¹⁷ Yearbook of International Law Commission. Vol. 2. P.2. 1976. P.120.

и гуманитарного характера»¹⁸. Предположим, данное обязательство нарушено. Можно ли сравнить это нарушение с, например, развязыванием агрессивной войны или геноцидом? Очевидно, нет. Таким образом, нарушение норм *jus cogens* и международные преступления государств все-таки не представляют собой «две стороны одной медали»¹⁹, хотя и пересекаются в ряде положений, связанных с поддержанием международного мира и безопасности.

Некоторые специалисты полагают, что приравнение нарушения нормы *jus cogens* к международному преступлению существенно облегчило бы понимание сложившейся в международном праве ситуации: «было бы проще и удобнее признать нарушение нормы *jus cogens* международным преступлением»²⁰. Однако сегодня очевидно, что неопределенность содержания концепции *jus cogens* не позволят сделать это.

Исходя из анализа практики Международного суда и деятельности Комиссии международного права ООН, можно сделать вывод о том, что из десяти императивных принципов международного права наиболее тесную связь, хоть и в разной степени, с категорией «международные преступления государства» имеют следующие семь принципов: принцип неприменения силы и угрозы силой; принцип невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств; принцип равноправия и самоопределения народов; принцип суверенного равенства государств; принцип нерушимости государственных границ; принцип территориальной целостности государств; принцип уважения прав человека и основных свобод. Как не парадоксально, приходится выделять определенную иерархию и в императивных нормах. Существует любопытная точка зрения на данную проблему, представленная египетским специалистом международного права, профессором Г. Аби-Саабом. Он предлагает разделить нормы *jus cogens* на две категории – «системные нормы», которые обеспечивают жизнеспособность международно-правовой системы в целом, и «основные нормы», которые обеспечивают международно-правовой порядок и нарушение которых влечет более

суровый режим международно-правовой ответственности²¹. Все это, однако, пока остается лишь в рамках теоретических построений.

Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении обязательств *erga omnes*. М. Рагацци, автор одного из самых подробных исследований обязательств *erga omnes*, утверждает, что «причина, по которой особые права и средства правовой защиты приданы этим обязательствам, заключается в том, что эти обязательства по отношению ко всем»²², однако до сих пор неясно, в чем конкретно эти особые средства правовой защиты заключаются и как их применять.

На Флорентийской конференции по ответственности государств и концепции преступлений государства, проходившей в 1984 г., профессор Г. Гайя, ныне судья Международного суда ООН, предложил так называемую «концепцию трех кругов», согласно которой обязательства *erga omnes* представляют самый широкий условный круг. Внутри него находится более узкий круг – это нормы *jus cogens*. И, наконец, третий, наиболее узкий круг составляют международные преступления государств²³. Таким образом, согласно данной концепции, в случае признания какого-либо действия или бездействия государства международным преступлением, данное действие или бездействие будет одновременно считаться нарушением норм *jus cogens* и обязательств *erga omnes*. Соответственно, можно сделать вывод о том, что нормы, нарушение которых составляет содержание международного преступления – «это вершина нормативной иерархии»²⁴.

Профессор Н. Йоргенсен, исследователь проблемы международных преступлений государств, выделяет три основных аспекта, объединяющих международные преступления государств, нормы *jus cogens* и обязательства *erga omnes*: «все они призваны защищать общие интересы государств и базовые моральные ценности; классические примеры деяний, составляющих содержание каждой концепции, во многом совпадают;

¹⁸ Устав Организации Объединенных Наций 1945 г. <http://www.un.org/ru/documents/charter/>

¹⁹ Jorgensen N.H.B. The Responsibility of States for International Crimes. Oxford, 2000. (reprinted 2005). P.90.

²⁰ Pellet A. Can a State Commit a Crime? Definitely, Yes!// European Journal of International Law. 1999. Vol. 10. No. 2 pp. 428.

²¹ Abi-Saab G. The Uses of Article 19//European Journal of International Law. 1999. vol 10, no.2. P.349.

²² Ragazzi M. The Concept of International Obligations Erga Omnes. Oxford, Clarendon Press. 1997. (reprinted in 2002). P.203.

²³ Gaja G. Obligations Erga Omnes, International Crimes and Jus Cogens: A Tentative Analysis of Three Related Concepts. In International Crimes of State. Weiler J. H. H., Cassese A., Spinedi M. (eds.) 1989. P.160.

²⁴ Jorgensen N.H.B. The Responsibility of States for International Crimes. Oxford, 2000. (reprinted 2005). P.92.

словосочетание «международное сообщество в целом» появляется в описании каждой из концепций»²⁵.

Кроме того, ключевым аспектом, связывающим нормы *jus cogens*, обязательства *erga omnes* и международно-правовую ответственность государств, является то, что все они предполагают качественно иной по сравнению с сегодняшним уровень консолидации и координации международного сообщества, вплоть до развития наднационального уровня управления. Фактически, одним из первоначальных элементов для построения наднационального уровня стала статья 103 Устава ООН, согласно которой «в том случае, когда обязательства Членов Организации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по настоящему Уставу»²⁶. Данная статья заложила фундамент, пусть пока и не очень прочный, того, что однажды государства отойдут от жестких «вестфальских» трактовок суверенитета, что позволит вывести международное право на качественно новый уровень.

Кроме того, достаточно велика опасность придания всем вышеупомянутым нормам и концепциям чрезмерной значимости, излишне акцентируя вводящие в заблуждение термины или «пытаясь уместить международно-правовые явления в некое прокрустово ложе»²⁷. Это может увести в сторону от решения важных международно-правовых задач в сторону излишнего догматизма и надуманности. Тем не менее, юриспруденция вообще и международное право в частности, основаны на порядке и конкретике, поэтому процесс работы над рассмотренными в данной статье концепциями, очевидно, еще далек от своего завершения.

Также показательно, что все три рассматриваемые концепции стали широко обсуждаться и применяться в деятельности международных органов и в доктрине международного права в очень непростой исторический период – именно на конец 1960-х – начало 1970-х гг. пришелся разгар «холодной войны», когда было крайне сложно найти общие точки соприкосновения между

антагонистическими лагерями. Однако именно факт появления трех рассмотренных концепций позволяет взглянуть на перспективы развития международного сообщества и международного права с достаточно оптимистической точки зрения.

Библиография:

1. Лукашук И.И. Концепция права международной ответственности // Государство и право. М., 2003. №4. С. 79-84.
2. Abi-Saab G. The Uses of Article 19//European Journal of International Law. 1999. vol 10, no.2. pp. 339-351.
3. Crawford J. First report on State Responsibility. International Law Commission. 1998. A/CCN.4/490/Add.2.
4. Crawford J. Second Report on State Responsibility. International Law Commission 1999. A/CN.4/498.
5. Gaja G. Obligations Erga Omnes, International Crimes and Jus Cogens: A Tentative Analysis of Three Related Concepts. In International Crimes of State. Weiler J. H. H., Cassese A., Spinedi M. (eds.) 1989. 368 p.
6. Jorgensen N.H.B. The Responsibility of States for International Crimes. Oxford, 2000. (reprinted 2005). 331 p.
7. Koskenniemi M., Hierarchy in International Law: A Sketch//European Journal of International Law. 1997. Vol. pp. 566-582.
8. Pellet A. Can a State Commit a Crime? Definitely, Yes!// European Journal of International Law. 1999. Vol. 10. No. 2 pp. 425–434.
9. Ragazzi M. The Concept of International Obligations Erga Omnes. Oxford, Clarendon Press. 1997. (reprinted in 2002). 264 p.
10. Simma B. Universality of International Law from the Perspective of a Practitioner//The European Journal of International Law. 2009. Vol. 20 no. 2. pp. 265-297.
11. Tomuschat C., Reconceptualizing the Debate on Jus Cogens and Obligations Erga Omnes—Concluding Observations. In The Fundamental Rules of International Legal Order. Tomuschat C., Thouvenin J.-M. (eds.), 2006. P. 471.
12. Vaurs-Chaumette A.-L. Peoples and Minorities. In The Law of International Responsibility, ed. J. Crawford, A. Pellet and S. Olleson, Oxford University Press, 2010. 1296 p.

²⁵ Jorgensen N.H.B. The Responsibility of States for International Crimes. Oxford, 2000. (reprinted 2005). P.96.

²⁶ Устав Организации Объединенных Наций 1945 г. <http://www.un.org/ru/documents/charter/chapter16.shtml>

²⁷ Simma B. Universality of International Law from the Perspective of a Practitioner//The European Journal of International Law. 2009. Vol. 20 no. 2. P. 297.

13. Vaurs-Chaumette A.-L. The International Community as a Whole. In *The Law of International Responsibility*. J. Crawford, A. Pellet and S. Olleson (eds.), Oxford University Press, 2010. 1296 p.
7. Koskenniemi M., *Hierarchy in International Law: A Sketch*//European Journal of International Law. 1997. Vol. pp. 566-582.
8. Pellet A. Can a State Commit a Crime? Definitely, Yes!// European Journal of International Law. 1999. Vol. 10. No. 2 pp. 425–434.
9. Ragazzi M. *The Concept of International Obligations Erga Omnes*. Oxford, Clarendon Press. 1997. (reprinted in 2002). 264 p.
10. Simma B. *Universality of International Law from the Perspective of a Practitioner*//The European Journal of International Law. 2009. Vol. 20 no. 2. pp. 265-297.
11. Tomuschat S., *Reconceptualizing the Debate on Jus Cogens and Obligations Erga Omnes—Concluding Observations*. In *The Fundamental Rules of International Legal Order*. Tomuschat C., Thouvenin J.-M. (eds.), 2006. P. 471.
12. Vaurs-Chaumette A.-L. *Peoples and Minorities*. In *The Law of International Responsibility*, ed. J. Crawford, A. Pellet and S. Olleson, Oxford University Press, 2010. 1296 p.
13. Vaurs-Chaumette A.-L. The International Community as a Whole. In *The Law of International Responsibility*. J. Crawford, A. Pellet and S. Olleson (eds.), Oxford University Press, 2010. 1296 p.

References (transliteration):

1. Lukashuk I.I. *Koncepciya prava mezhdunarodnoy otvetstvennosti // Gosudarstvo i pravo*. M., 2003. №4. С. 79-84.
2. Abi-Saab G. *The Uses of Article 19*//European Journal of International Law. 1999. vol 10, no.2. pp. 339-351.
3. Crawford J. *First report on State Responsibility*. International Law Commission. 1998. A/CCN.4/490/Add.2.
4. Crawford J. *Second Report on State Responsibility*. International Law Commission 1999. A/CN.4/498.
5. Gaja G. *Obligations Erga Omnes, International Crimes and Jus Cogens: A Tentative Analysis of Three Related Concepts*. In *International Crimes of State*. Weiler J.H.H., Cassese A., Spinedi M. (eds.) 1989. 368 p.
6. Jorgensen N.H.B. *The Responsibility of States for International Crimes*. Oxford, 2000. (reprinted 2005). 331 p.